

ГЛАВА

Первая

Перл-Бич.

Пятница, 18 мая 1962 г.

Полнолуние

Если бы Глория Голден была честна, то призналась бы, что устраивает вечеринки по пятницам вовсе не для того, чтобы в очередной раз насладиться недавно отремонтированной кухней. Не были они и поводом лишний раз встретиться с Дот, Лидди или Марджори, поскольку настоящим друзьям не нужны поводы. Честная Глория призналась бы, что эти еженедельные посиделки были единственным островком стабильности в ее жизни и что каждый раз она нервно постукивает пальцами по столешнице только потому, что слишком многое утратит для нее смысл, если подружки подведут и не приедут. Но молодая красивая женщина, у которой был успешный муж, здоровый малыш и прекрасно обставленный дом на берегу океана, не имела ни одного повода считать себя обделенной. Ни тогда, когда ей делали комплименты и сравнивали с роскошной блондинкой Энн-Маргрет. Ни тогда, когда она слышала о

голодающих в Конго детях. Поэтому Глории и не в чем было признаваться.

Когда подруги приехали (*они всегда приезжали*), постукивания по столешнице сменились звоном посуды «Тапервер» и записями Нила Седаки, проигрываемыми на «Магнавоксе».

— If you're feeling low down 'cause your baby's left town, — пели они, держа ложки вместо микрофонов и кружась по полу, выложеному дорогой испанской плиткой, как танцовщицы из «Шоу Эда Салливана», — get out and cir-culaaaaaaaate...

Веселая и раскрасневшаяся после приготовления ужина Глория подошла к детскому манежу в гостиной.

— Майкл мог бы проспать даже концерт Элвиса, — сказала она о своем спокойном сыне.

Одновременно раздался телефонный звонок, и ребенок расплакался.

— Кто это? — прошептала Марджори, как будто все они были еще робкими первокурсницами, а не взрослыми 22-летними женщинами.

— Лео, — произнесла одними губами Глория. Она заметила свое отражение на стеклянной дверце большой газовой плиты. Концы ее медово-белых волос поникли; она встряхнула прическу, чтобы пряди больше напоминали по форме английскую букву «J».

Глория расцвела при мысли о муже, как бутон розы при свете солнца. И было не важно, что он звонил из своего офиса, который был всего в 55 милях от нее в Лос-Анджелесе. Она сразу представила его черные волосы и темно-синие глаза, ощущала его дыхание с легким ароматом бурбона и почувствовала его прикосновение. Это *прикосновение*. Оно буквально переполняло

ее душу бесконечно нарастающими звуками музыки и взрывало яркими огнями изнутри. Как будто сам Уолт Дисней впрыскивал ей в вену мелодии из мультфильма «Фантазия».

— Чего он хочет? — спросила Лидди, вскинув густые брови.

Гlorия пожала плечами. Она надеялась, что восемнадцать месяцев бесконечных разъездов Лео в интересах студии «Парамаунт» наконец-то подошли к концу и его работа будет хорошо оплачена. Что его оценили по достоинству и повысили. Что теперь они смогут переехать в Беверли-Хиллз, общаться с заумными интеллектуалами и летать по всему миру на своих самолетах. Не так, как это делает Марджори — стюардесса авиакомпании *TWA*, а как это надлежит делать: всей семьей и в костюме Джеки Кеннеди.

— Хорошие новости, детка, — сказал Лео. Он затянулся сигаретой и выдохнул. — Я только что обедал с одной актрисой из «Завтрака у Тиффани», и ты, драгоценная, стала обладателем бесценного автографа: «Гlorия, мои наилучшие пожелания. Одри Хепбёрн».

— Отлично, — ответила Гlorия, накручивая провод телефона вокруг пальца. — Во сколько ждать тебя и мой автограф на ужин? Я готовлю твоё любимое...

— Как раз об этом...

Гlorия перестала улыбаться. *Только не это, подумала она. Пожалуйста, нет.*

Но Лео ничего не мог поделать. Он должен был очаровать очередную упрямую старлетку и убедить ее подписать контракт. Ужин... алкоголь... все что угодно, лишь бы контракт был готов к понедельнику.

Майкл плакал все отчаяннее.

— Это значит, ты опять ночуешь в отеле «Балтимор»?

Лео чиркнул спичкой:

— Извини, детка.

Как обычно, Глория сказала, что все понимает. Только услышав гудки на другом конце провода, она понастоящему впала в отчаяние.

Сначала она хотела рассказать подругам правду: что Лео две ночи не был дома и она безумно одинока. Они выкурили бы по сигарете и утишили бы ее точно так же, как делали это прежде в колледже, если Лео слишком увлекался водным поло и забывал позвонить. Но мисс Матrimonия, ведущая в журнале «*Ladies` Life*» колонку, посвященную браку, категорически запрещала это делать.

Дорогие женушки, написала она однажды. Напоминаю всем любительницам совать свой нос в чужие дела. Ваши мужья нисколько не сомневаются, что имеют право на личную жизнь, несмотря на женитьбу. Если вы действительно хотите позаботиться о своей семье, то пересмотрите фильм «Веселая вдова». Заплатив 16 долларов и 50 центов, вы немедленно почувствуете, как становитесь более стройными и подтянутыми. Да, можете не благодарить за совет.

— Что произошло? — спросила Дот, мило надув свои пухлые губы. — Все в порядке?

— Лео сказал, что думает только обо мне. Это все. — Глория через силу улыбнулась. — Начинайте без меня, красотки. Скоро вернусь.

Дот и Лидди удалились с тарелками на террасу, а Марджори, не терпевшая командный тон, улеглась на диване и скрестила босые ноги. Ее высокая грудь часто вздымалась, едва помещаясь в декольте.

— Почему он все-таки позвонил?

Глория хрустнула сельдереем:

— Я же сказала.

Марджори вздохнула. Один из ее роскошных каштановых локонов на мгновение замер на щеке.

— Я знаю, как тебя разговорить. — Она вскочила на ноги и начала осматривать шкафчики. — Где же ты прячешь бутылку «Смирнова»? — спросила Марджори, как будто хозяева могли хранить водку среди фарфоровой посуды «Ленокс».

— Водка? Сейчас 11:30 утра!

— Ого, материнство не всем добавляет ума, — обратилась Марджори к несуществующей аудитории. Затем, взглянув еще раз на висящие на стене часы, она с недовольным видом пересекла кухню и перевернула их. — Теперь правильно. Пять часов. Было бы неплохо найти вермут и оливки, раз уж я здесь. Люблю коктейль «Грязный мартини». — Она взяла тарелку с купленным в магазине салатом, толкнула своим роскошным задом дверь и вышла на террасу.

Подруги сидели за столом на своих обычных местах: Марджори во главе, Дот и Лидди по краям. Для Глории они оставили ее любимое «заднее» место.

Обычно к ужину последние лучи уходящего солнца еще освещали морскую гладь, однако на этот раз плотный туман, похожий на клубы сигаретного дыма, окутал пальмы и полностью скрыл вид на океан.

— Кто хочет пить? — спросила Глория с таким видом, как будто предлагала газировку, а не водку с вермутом, уже разлитую по хрустальным бокалам для мартини.

— Наконец-то, — сказала Марджори. — Давайте поскорее надеремся.

Дот ахнула:

— До первой звезды?

Лидди схватила пальцами крестик, который носила на шее с 12 лет:

— Ты можешь хоть иногда быть серьезной?

— Mon Dieu! — воскликнула Марджори, накануне вернувшаяся из первого трансатлантического рейса в Париж. — Да все французы пьют во время обеда и ужина.

Хвостик Дот упрямо дернулся из стороны в сторону.

— Бизнесмены, но не леди.

— Все, — настаивала Марджори. — Тебе надо хоть иногда выезжать за пределы своего городка.

Дот показала язык.

Марджори стремительно ущипнула его.

— Хватит уже. Не ведите себя как дурочки, — сказала Глория, раздавая бокалы.

Лидди сделала глоток ледяной воды:

— Мы не дурочки.

— О, да! Конечно, извини, но ты носишь на голове розовый платок.

— Как ты смеешь так со мной разговаривать?

Марджори поцеловала Лидди, оставив на ее щеке ярко-красный отпечаток своих губ:

— Ты же знаешь, как я люблю тебя, Лидди, но ты еще более скромна и зажата, чем блузка Дот и рот Глории, вместе взятые.

Дот поправила глухой воротничок:

— Закрытая блузка — это модно.

Глория внимательно изучила отражение своих губ на лезвии ножа: